

# ЗОО-НЕКРОМАНТ ПОНЕВОЛЕ, или ФАМИЛЬЯРЫ НЕ УМИРАЮТ



Алла Чарова

**Зоо-некромант поневоле,  
или Фамильяры не умирают**

«Литнет»

2026

## Чарова А.

Зоо-некромант поневоле, или Фамильяры не умирают /  
А. Чарова — «Литнет», 2026

Меня зовут Ирма Ван Дарк, и я — позор рода. Мой некромантский дар поднимает только животных. Желательно дохлых и с характером. На семейном испытании вместо скелета рыцаря я воскресила его боевого коня, и тот радостно снёс фамильный канделябр. Отец в бешенстве. Теперь у меня три года в Мортемхолле — академии, где учатся управлять смертью. Или три года до того, как меня вычеркнут из рода и памяти. Компания подобралась под стать: вампир-аристократ, который не может кусаться (но может проломить стену), тролль с нестабильным иммунитетом к магии и эльфийка-целительница, у которой всё цветёт прямо в ладонях. А ещё мой фамильяр — Баргест. Огромный чёрный пёс размером с телёнка, изрыгающий дым и сарказм. Он видел, как умирали боги, и считает, что моя причёска — главная катастрофа столетия. Но в Мортемхолле происходит что-то странное. Старшекурсники из «Склепа» точат зуб, мрачный некромант Рейнар бросает взгляды, от которых сердце пропускает удар, а древняя магия Анимы пробуждается во мне. Я не хотела быть особенной, но, кажется, придётся.

© Чарова А., 2026

© Литнет, 2026

## Содержание

|                                                         |    |
|---------------------------------------------------------|----|
| Глава 1. Фамильный позор                                | 5  |
| Глава 2. Академия Мортемхолл, или Приют для бракованных | 13 |
| Глава 3. Уроки выживания, или Как не стать экспонатом   | 20 |
| Конец ознакомительного фрагмента.                       | 23 |

## Глава 1. Фамильный позор

Скелет рыцаря лежал на каменном столе и всем своим видом выражал презрение. У него не было лица — одни кости, — но я поклясться готова: если бы было, оно бы скривилось. Даже пустые глазницы умудрялись смотреть с укоризной.

— Давай, дочь. Мы ждём.

Голос отца звучал как скрежет надгробной плиты. Лорд Корвин Ван Дарк стоял у алтаря, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с тем особым выражением, которое появлялось у него исключительно в моём присутствии. Выражение называлось «И за что мне это?».

Рядом переминалась мать — леди Элисента, единственная целительница в роду некромантов и единственный человек в этом склепе, который смотрел на меня без разочарования. Она ободряюще улыбнулась. Улыбка вышла бледной.

На стенах фамильного зала висели портреты предков. Прапрадед Мортимер, по слухам, поднявший целую армию. Прабабка Грета, лично упокоившая трёх демонов. Дядя Теодор, однажды ожививший собственную тень, потому что ему было скучно. Все они смотрели на меня с немым вопросом: «Ну?»

— Я работаю над этим, — процедила я, вскидывая руки над скелетом.

— Ты работаешь над этим с двенадцати лет. Сейчас тебе семнадцать. Я не вижу прогресса.

Прогресс был. В двенадцать я случайно подняла скелет своей морской свинки, и он три дня бегал по дому, пугая прислугу. В четырнадцать — дух соседского кота, который наотрез отказался уходить и теперь живёт в библиотеке, комментируя выбор книг. В шестнадцать — скелет ворона, который до сих пор сидит на крыше и орёт матерные частушки прохожим.

Но людей? Людей — нет. Ни одного.

Я закрыла глаза и сосредоточилась. Представила, как некромантская искра течёт по венам, как тянется к мёртвой плоти, как наполняет кости... Ничего. Тишина. Только где-то вдалеке завыл фамильный ворон — и завыл он, кажется, ту самую частушку про лорда Корвина и доярку.

— Ну же, — прошептала я.

И тогда это случилось.

Кости дрогнули. Скелет приподнялся. По залу пронёсся ветер, пламя свечей качнулось, и отец впервые за вечер выпрямился с проблеском интереса.

А потом скелет заржал.

Это было самое жизнерадостное, самое звонкое лошадиное ржание, которое когда-либо раздавалось в стенах дома Ван Дарков. Скелет боевого коня — потому что это был он, тот самый конь, на котором рыцарь когда-то явился на битву, — встал на все четыре костяные ноги, встряхнул черепом и радостно стукнул копытом по каменному полу. От удара канделябр, стоявший у алтаря, покачнулся и рухнул прямо на шлем прапрадеда Мортимера.

Шлем загудел, как колокол.

— Потрясающе, — сказала я в наступившей тишине. — Я подняла не того покойника.

Конь тем временем заметил отца и, видимо, принял его за старого знакомого. Он бодро потрусил к лорду Ван Дарку, намереваясь то ли лизнуть, то ли укусить — по черепу было не разобрать. Отец отступил на шаг. Это было первое отступление лорда Корвина за всю его жизнь, и оно было сделано перед скелетом лошади.

— Ирма! — рявкнул он.

— Я не специально! — Я взмахнула руками, пытаясь отменить заклинание, но вместо этого послала ещё один импульс. Скелет коня икнул — и из его ушей повалил дым.

— О боже, — сказала мать и прижала ладонь ко рту. Непонятно было, в ужасе она или в восторге.

Я была готова провалиться сквозь пол. Вместо этого сказала первое, что пришло в голову:

— Зато он дружелюбный.

Конь в подтверждение моих слов попытался встать на дыбы, зацепился хвостом за портьеру и сорвал её вместе с карнизом. Портрет дяди Теодора с грохотом обрушился на пол.

— Довольно! — Голос отца перекрыл шум. Он простёр руку, и конь замер, а затем рассыпался на кости. Тишина накрыла зал, как саван.

Лорд Корвин медленно повернулся ко мне. Лицо его было спокойным, и это спокойствие было страшнее любого гнева.

— Ты едешь в Мортемхолл, — сказал он. — Завтра утром.

— Но...

— Если за три года ты не научишься поднимать людей, ты больше не Ван Дарк.

Мать ахнула. Я сжала кулаки.

— А если научусь?

Отец помолчал.

— Тогда поговорим. А пока — ты позор этого рода. И конь тоже позор. Особенно конь.

Он развернулся и вышел, хлопнув дверью. С потолка посыпалась штукатурка. Портрет прапрадеда Мортимера покосился.

Я осталась стоять. Конские кости валялись на полу, канделябр лежал у стены, и дым всё ещё сочился из того, что раньше было ушами боевого скакуна.

— Ну, — сказала я в пространство, — по крайней мере, я умею производить впечатление.

Мать подошла и молча обняла меня.

До отъезда оставалось меньше суток.

Я сидела на ступенях фамильного склепа и смотрела на закат. Склеп был самым тихим местом в поместье. Предки не ворчали, слуги не шарахались, и только вороны орали с крыши. Один из них — тот самый, поднятый мной в шестнадцать, — сидел на коньке и напевал что-то неприличное про лорда Корвина. Я не стала его одёргивать.

— Значит, Мортемхолл, — произнесла я вслух.

Никто не ответил, если не считать очередного куплета про отца и доярку.

Я вздохнула и поднялась.

Фамильный склеп Ван Дарков располагался за домом, в старой части сада, куда даже прислуга заходила редко. Там было темно, сыро и пахло плесенью — идеальное место, чтобы подумать о жизни и о том, что она не удалась.

Но когда я толкнула тяжёлую дверь, то поняла: что-то не так. Внутри горел свет. Не факелы, не свечи — а ровное, багровое сияние, струившееся по каменным стенам, как кровь.

— О нет, — сказала я. — Только не это.

В центре склепа, на древнем алтаре, которого я раньше здесь не замечала, пульсировал символ. Он напоминал спутанный клубок рун, и от него исходил жар. Я попятилась, но было поздно — руны вспыхнули, и из темноты, прямо из стены, выступило нечто.

Огромное. Чёрное. С горящими красными глазами.

Пёс встряхнулся, с шерсти посыпались искры. Его морда была размером с мою голову, а из пасти вырывался дым — густой, чёрный, пахнувший серой. Он зевнул, демонстрируя клыки, которым позавидовал бы любой некромант, и обвёл склеп ленивым взглядом. Потом посмотрел на меня.

— Долго же ты, — пророкотал он. — Я уж думал, ещё сто лет просплю. А тут — девочка с искрой. И что, даже не боишься?

— Я некромант, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Меня трудно напугать.

— Да? — Пёс обошёл меня кругом, цокая когтями по каменному полу. — А если я скажу, что твоя причёска — это некромантский грех?

— Ты только что оскорбил мои волосы?

— Я оскорбил всё, что вижу, — лениво ответил он. — Но волосы — в первую очередь. У тебя есть расчёска или ты принципиально против?

Я нервно рассмеялась. Адский пёс, а шутит, как уставший парикмахер.

— Я буду звать тебя Баргест, — сказала я.

— Зови как хочешь. Я откликаюсь на «Эй, ты» и «Чудовище». — Он снова зевнул, из пасти вырвался дым. — Есть работа? Трупы? Враги? Или просто поговорить? Я мастер светской беседы. Например: как тебе конец света? Говорят, будет дождливо.

— Вообще-то я собираюсь в академию. Мортемхолл.

Баргест перестал зевать. Его глаза сверкнули.

— Мортемхолл, — повторил он. — Старая дыра. Я знаю это место. Там когда-то жила моя хозяйка. Давно. Очень давно.

— И что с ней стало?

— Ушла в посмертие. Как все. — Он склонил голову набок. — Но ты — другое дело. Ты призвала меня, не зная, что делаешь. Это редкость. Обычно меня призывают с жертвами, с ритуалами, с криками «О великий Баргест, явись и пожри моих врагов!». А ты просто вошла и уставилась. Оскорбительно, между прочим.

— Прости, — сказала я, не зная, как реагировать на оскорблённого адского пса. — В следующий раз принесу жертву.

— Не надо. Жертвы обычно несвежие. — Он фыркнул, выпустив струйку дыма. — Ладно, девочка с искрой. Поскольку ты меня разбудила, я, так и быть, составлю тебе компанию. Не из благодарности — просто мне скучно. И, судя по твоему лицу, приключения у тебя будут идиотские. Я такое люблю.

— Спасибо, — сказала я. — Наверное.

— Не за что. А теперь веди. Показывай этот свой Мортемхолл. И ради всего святого, найди расчёску.

Утром я уехала.

Мать обняла меня на прощание, сунула в руки мешочек с лечебными травами и быстро поцеловала в лоб.

— Пиши, — сказала она.

— Каждую неделю.

Отец не вышел. Я и не ждала.

Дилижанс тронулся, и дом Ван Дарков поплыл назад, уменьшаясь, пока не превратился в тёмную точку на горизонте. Баргест, невидимый для кучера, растянулся на сиденье напротив, заняв его целиком, и принялся комментировать пейзаж.

— Деревья, — говорил он. — Коровы. Опять деревья. Какая-то канава. Ты живёшь в захватывающем мире, девочка.

— Меня зовут Ирма.

— Я запомню, когда сочту нужным.

— Тебе сто лет?

— Больше. Я старше твоей фамильной гордости и многих богов, которым ты не молишься. — Он лениво махнул хвостом, пробив призрачным движением стенку дилижанса. — Знаешь, что такое Мортемхолл на самом деле?

— Академия некромантии.

— Это официально. А неофициально — это место, куда сбрасывают тех, кто неудобен. Неудачников. Бракованных. Тех, кого семьи хотят спрятать подальше. Твой папаша — не первый и не последний. Так что не переживай: ты будешь не одна такая.

— Утешил.

— Я реалист. — Он положил морду на лапы. — Но знаешь, иногда из бракованных выходят самые интересные покойники.

— Я пока не планирую становиться покойником.

— Никто не планирует. — Баргест закрыл глаза. — Разбуди, когда приедем.

И он заснул. Или притворился, что спит. От адского пса не угадаешь.

Мортемхолл вырос на горизонте внезапно.

Сначала я подумала, что это грозовая туча присела отдохнуть на скалы. Но туча оказалась замком. Огромный, чёрный, с башнями, которые вонзались в небо, как клыки. Готические арки, шпили, горгульи на карнизах — и над всем этим витал зеленоватый свет, какой бывает над болотами в полнолуние.

— Приехали, — сказала я.

Баргест открыл один глаз.

— Уютненько. Пахнет мертвечиной.

— Ты чувствуешь запахи? Ты же призрак.

— Я чувствую суть. А суть тут — формалин и разложение. Чудесный аромат. Ностальгия.

Мы вышли из дилижанса. Главные ворота были распахнуты, и во дворе кипела суeta. Студенты тащили сундуки, фамильяры шныряли под ногами, кто-то кричал, кто-то ругался, кто-то пытался поймать улетающую шляпу. В воздухе пахло сыростью, старыми книгами и чем-то, что я не могла опознать, но подозревала — учебный труп.

— Первокурсники! Сюда! Распределение через час, не опаздывайте!

Ко мне спешила девушка в белой мантии с зелёной каймой. Она выглядела так, будто её только что вытащили из сада: в волосах запутался плющ, на плече сидел светлячок, а из рукава торчал стебель какого-то растения.

— Я Лиара! — выпалила она, запыхавшись. — Факультет целительства. Ты новенькая, да? — Она протянула руку, но тут же отдернула. — Ой, прости, не могу пожимать. — Она показала ладонь: из неё, прямо между пальцев, пробивался крошечный зелёный росток. — Всё, к чему прикасаюсь без перчаток, прорастает. Очень неудобно. Вчера случайно озеленила стул в столовой. Теперь это клумба.

— Ирма Ван Дарк, — представилась я. — Некромант.

— Ой, некромант! — Она просияла. — Вам в левое крыло. Я покажу! А это кто с тобой? — Она всмотрелась в тень у моих ног, где лениво разлётся Баргест.

— Мой фамильяр. Баргест.

— Приятно познакомиться, — сказала Лиара с искренней улыбкой, будто перед ней был котёнок, а не адский пёс размером с телёнка.

— Мне тоже, — отозвался Баргест. — У тебя петрушка в волосах. Стильно.

— Ой! — Лиара схватилась за голову и покраснела.

— Он шутит, — сказала я. — Наверное.

— Я никогда не шучу, — возразил Баргест. — Я всегда серьёзен, как свежая могила.

Лиара прыснула.

Я поняла, что этот день будет долгим.

Мы двинулись к главному входу. Лиара щебетала без остановки — про факультеты, про преподавателей, про то, что в прошлом году один тролль съел учебник по травоведению и отравился, хотя книга была не ядовитой, просто старой. Я слушала вполуха, разглядывая академию.

У входа в главный корпус стояла группа старшекурсников. Они были одеты в безупречные чёрные мантии с серебряной каймой, и вид у них был такой, будто им принадлежала не только академия, но и всё окрестное кладбище. Главный — высокий светловолосый парень с ленивой улыбкой — скользнул по мне взглядом и остановился.

— О, — сказал он негромко, но так, что его услышали все вокруг. — Ван Дарк. Долетели слухи. Ты та самая, что поднимает скелеты белок и хомяков?

Рядом с ним девушка с ледяной улыбкой тихо рассмеялась. Третий — здоровяк с мрачным лицом — просто смотрел.

— А ты, надо полагать, тот самый, который задаёт глупые вопросы? — парировала я, не замедляя шага.

Светловолосый приподнял бровь.

— Калёб. Факультет некромантии. Пятый курс. — Он чуть склонил голову. — Добро пожаловать в Мортемхолл, Зверонька. Не споткнись тут.

— Зверонька? — повторила я.

— Ну да. Ты же у нас специалист по зверушкам. Мёртвым.

Девушка рядом с ним — Илона, как я потом узнала, — добавила с притворной сладостью:

— Говорят, у тебя даже фамильяр — что-то среднее между дворнягой и ковриком. Покажешь?

Баргест, до этого дремавший в тени, приоткрыл один глаз.

— Скажи этим двум, что их чувство юмора — тоже мертворождённое, — лениво произнёс он.

— Не буду, — прошипела я.

— Жаль. Я бы сожрал их, но они, кажется, несвежие.

Я прошла мимо «Склепа», чувствуя их взгляды на спине. Лиара догнала меня.

— Ой, ты не обращай внимания. Они всегда такие. Калёб — главный задира. Илона — его тень. А третий, Мор, вообще молчит, но когда открывает рот, лучше бы молчал. В том году он сказал одной целительнице, что её причёска «напоминает вскрытие». Она плакала неделю.

— Очаровательно, — сказала я.

— Я тебя с ними не оставлю, — пообещал Баргест. — Сожрать не могу, но покусать могу.

— Ты призрак.

— Я призрак с принципами.

Церемония распределения прошла в главном зале — огромном, тёмном, с витражами, на которых были изображены сцены поднятия мертвецов, призыва духов и другие милые сюжеты из некромантской практики. Профессора сидели на возвышении, похожие на судей Страшного суда. Ректор — древний маг в тёмно-синей мантии — говорил что-то о величии академии, о традициях, о долге перед королевством. Я почти не слушала.

Меня вызвали одной из первых.

— Ирма Ван Дарк. Факультет некромантии.

По залу пробежал шёпот. «Ван Дарк, та самая? Дочь лорда Корвина? Говорят, она...» Я поджала губы и направилась к своему месту.

Лиару распределили на целительский. Мы переглянулись.

После церемонии я решила найти библиотеку. Не потому, что я такая прилежная, — просто хотелось спрятаться от любопытных глаз и шушуканья за спиной. Библиотека Мортемхолла оказалась огромной — многоярусной, с галереями, винтовыми лестницами и запахом старых книг, который перебивал даже формалин.

Я забрела в дальний угол и наткнулась на фигуру в чёрном.

Парень сидел в кресле, закинув ноги на стопку книг. Бледный, с острыми, аристократическими чертами, в безупречном чёрном бархатном сюртуке. В руке он держал серебряную флягу. Он поднял на меня глаза — тёмные, с поволокой — и произнёс:

— Если вы спросите, почему вампир сидит в библиотеке, а не на охоте, я укушу вас. Морально. Словесно. Клыков у меня нет, но словарь острых выражений имеется.

Я замерла.

— Вы вампир?

— Имею несчастье. Вален Морроу, — он чуть склонил голову. — А вы, полагаю, та самая Ван Дарк, о которой все судачат. Некромант, поднимающий хомяков и канареек.

— Белок, — поправила я. — И не канареек, а ворона.

— Принципиальная разница, — кивнул он. — Присаживайтесь. Тут темно и никто не видит моего позора.

Я села напротив. Баргест выступил из тени, и Вален едва не выронил флягу.

— Это... это ваш фамильяр? — Он побледнел ещё сильнее. — Это же адский пёс! Предвестник смерти!

— Я — предвестник того, что у тебя томатный сок выдохнется, — парировал Баргест. — Пей давай, пока не свернулся.

Вален отхлебнул, не сводя глаз с пса.

— Томатный сок? — уточнила я.

— Древний семейный рецепт, — ответил вампир. — Я не пью кровь. То есть пью, но не так, как вы думаете. У меня нет клыков. — Он развёл руками. — Вообще. От рождения. Родовая аномалия. Я могу обогнать ветер, проломить стену и видеть в темноте, но прокусить яблоко — увольте. Поэтому я пью кровь исключительно из серебряного кубка, после ритуального надреза. А в обществе — только томатный сок. Чтобы не смущать окружающих.

— Вампир без клыков, — медленно произнесла я. — Это... необычно.

— Это позор, — поправил Вален. — Моя семья до сих пор надеется, что я «перерасту». Но в двадцать лет перерастают только иллюзии. И молочные зубы.

— У тебя были молочные клыки? — заинтересовался Баргест.

— Нет! В том-то и дело! Даже молочных не было! — Вален снова отхлебнул. — Я — вампир-гуманист. Или вампир-неудачник. Смотря кого спросить.

— Мне нравится, — сказал Баргест. — У тебя самоирония. Редкое качество для вампира.

— Спасибо, — сухо ответил Вален. — Я выработал её годами страданий.

Я не сдержала улыбку.

— Кажется, мы сработаемся.

— Посмотрим, — сказал вампир. — Пока что я вижу: некромант с дефектом и адский пёс с сарказмом. Перспективная команда.

— Я ещё не всех нашла, — сказала я.

Вечером в столовой я познакомилась с Гроном.

Столовая Мортемхолла была под стать академии — огромная, мрачная, с длинными столами и витражами, изображавшими сцены пиршеств. Правда, еда здесь была... специфическая. Суп с плавающими в нём глазами. Хлеб, который сам себя резал. Каша, менявшая цвет в зависимости от настроения едока.

Я взяла поднос и села за свободный стол. Лиара присоединилась ко мне, придерживая салфеткой ладони, чтобы не озеленить столовые приборы.

И тут к нам подошёл он.

Здоровенный, серокожий, с массивными надбровными дугами и руками, способными гнуть подковы. Троль. Он сел напротив, аккуратно поставил поднос и уставился на Лиару.

— Пожалуйста, не колдуй рядом, — сказал он низким, усталым голосом. — У меня обед.

— Я не колдую, — растерялась Лиара.

— У тебя из рукава растёт плющ. Это магия. — Он вздохнул. — Я Грон.

— Ирма, — представилась я. — Это Лиара. А это... — я кивнула в сторону тени, где притаился Баргест, — мой фамильяр. Его зовут Баргест.

Грон посмотрел на пса. Баргест посмотрел на Грона.

— Троль, — констатировал пёс. — С магическим несварением, судя по ауре.

— Иммуитет, — поправил Грон. — Нестабильный. Любое заклинание, направленное на меня, либо поглощается, либо отражается. Иногда с искажением.

— Например? — спросила я.

— На первом курсе преподаватель попытался поставить на меня защитный купол. Я стал голубым и светился неделю. Менталист попробовал прочесть мои мысли — на час забыл глаголы. А одна целительница хотела залечить мне синяк — синяк прошёл, но она три дня видела мир чёрно-белым. Меня теперь никто не лечит.

— Это... впечатляет, — сказала я.

— Это неудобно. Я не могу колдовать вообще. И никто не может колдовать рядом со мной. Я мечтал стать боевым магом, а стал ходячей антимагической лотереей. — Он ткнул ложкой в кашу. — Если я доживу до выпуска, это будет чудо.

За соседним столом кто-то засмеялся. Я обернулась и увидела Калеба с его компанией. Илона как раз закончила какой-то пасс рукой, и вокруг Грона на секунду вспыхнуло фиолетовое сияние.

— О нет, — сказал тролль.

В следующее мгновение ложка в его руке превратилась в пучок укропа. Грон посмотрел на неё, потом на Илону, которая откровенно веселилась, и вздохнул.

— Я предупреждал.

Я повернулась к «Склепу». Калёб встретил мой взгляд и поднял стакан с водой, будто приветствуя. Илона улыбалась. Мор, здоровяк, молча смотрел на меня, и его взгляд был тяжелее, чем весь обеденный зал.

— Не связывайся, — тихо сказал Грон. — Они старше. Они сильнее. И они знают, как сделать твою жизнь адом.

— У меня уже есть адский пёс, — ответила я. — Ад мне не страшен.

Баргест одобрительно фыркнул.

Вечером, после ужина, я снова заблудилась.

Мортемхолл был огромен и явно строился людьми, которые не предполагали, что здесь будут ходить живые. Коридоры петляли, лестницы вели не туда, факелы горели зелёным, и отовсюду тянуло сыростью. Баргест лениво плёлся рядом.

— Ты великий следопыт, — заметил он. — Мы умрём от голода, и ты меня даже поднять не сможешь, потому что я уже призрак.

— Помолчи.

— Не затыкай меня. Я — твой внутренний голос. Только внешний. И с клыками.

Я свернула в очередной коридор и замерла.

Впереди, у статуи повешенного (которая, кстати, держала табличку «Если вы здесь — вы уже труп»), стоял он.

Высокий, худощавый, в длинном чёрном плаще. Волосы падали на лицо, глаза — серые, почти бесцветные — смотрели из-под прядей. На левой руке — шрам, похожий на трещину в камне. От него веяло холодом и чем-то, что я не могла опознать.

— Ты ищешь башню первокурсников, — сказал он. Голос был низким, ровным, без интонации.

— Откуда вы...

Он молча указал вправо.

— Налево, потом два пролёта вверх, по коридору до статуи с табличкой. И направо.

— Спасибо, — сказала я.

Он кивнул и уже собирался уйти, когда Баргест подал голос:

— Приятный парень.

Я чуть не поперхнулась.

— Он был жутким.

— Я же сказал: приятный, — невозмутимо повторил пёс.

Незнакомец задержался. На секунду мне показалось, что он услышал Баргеста, — но этого не могло быть. Он бросил на меня последний взгляд — короткий, непонятный — и исчез в темноте.

— Как его зовут? — спросила я у пустоты.

— Понятия не имею, — ответил Баргест. — Но у него отличный вкус. Он смотрел на меня.

— С чего ты взял?

— Он опустил взгляд. Все смотрят тебе в глаза или на твои волосы, а он опустил взгляд — туда, где стою я. Логично.

Я вздохнула и пошла в указанном направлении.

К ночи я добралась до своей комнаты. Лиара уже спала, сжимая в руке подушку, из которой пробивался мох. Баргест улёгся на пол, заняв половину комнаты, и прикрыл глаза.

— Ну, — пророкотал он, — первый день позади. Вампир без зубов, тролль-антимаг, цветочница и ты — некромант для хомяков. Если это не начало великой саги, я съем твои сапоги.

— Ты не можешь есть, ты призрак.

— Я найду способ.

Я улыбнулась в темноте.

А где-то в одной из старых башен серые глаза смотрели в ночь. На столе перед их обладателем лежала раскрытая книга — старый дневник в кожаном переплёте. На одной из страниц виднелась запись:

*«Анима. Магия жизни в теле некроманта. Считается утерянной. Но я видел её след. Она пробудилась в ком-то из новичков. Нужно убедиться».*

Обладатель дневника поднял голову, и лунный свет упал на его лицо — молодое, мрачное, с шрамом на левой руке.

— Ирма Ван Дарк, — произнёс Рейнар Морвейн. — Посмотрим, что ты такое.

И закрыл дневник.

## Глава 2. Академия Мортемхолл, или Приют для бракованных

Утро в Мортемхолле наступало не с рассветом. Рассвета здесь вообще не было — в том смысле, что солнце над этой частью королевства всходило неохотно, словно раздумывая, стоит ли вообще связываться с местным ландшафтом. Вместо солнечных лучей в окна башен сочился серый, водянистый свет, от которого тени становились длиннее, а лица — бледнее. Где-то вдалеке, на главной башне, горгулья чихнула и пробормотала: «Опять понедельник».

Я проснулась от того, что кто-то дышал мне в лицо дымом.

— Подъём, девочка с искрой, — пророкотал Баргест. Его морда нависала над моей кроватью, занимая всё доступное пространство. — Первый учебный день. Ты должна опоздать, выставить себя душой и укрепить репутацию семейного позора. Я в тебя верю.

— Спасибо, — сказала я, отмахиваясь от дыма. — Ты умеешь мотивировать.

— Я умею раздражать. Мотивация — это когда тебя раздражают достаточно сильно, чтобы ты начала действовать.

Лиара уже сидела на своей кровати и пыталась расчесать волосы, в которых за ночь проросли маленькие белые цветы — кажется, анемоны.

— Доброе утро! — Она широко улыбнулась. — Ты только посмотри, какие красивые! Это, кажется, из-за того, что я во сне думала о весне. В прошлый раз, когда мне приснился кошмар, выросла крапива. Я неделю не могла лечь на подушку.

— У тебя в волосах сад, — сказала я.

— Знаю! — Она ничуть не смутилась. — Зато пахнет хорошо. И пчёлам нравится.

— Пчёлы? Здесь?

— Одна уже прилетала. Я её попросила уйти. Кажется, она обиделась.

Я села на кровати и оглядела комнату. Вчера я не разглядывала её толком — была слишком вымотана. Теперь же заметила, что стены сложены из серого камня, по которому змеились тонкие трещины, складывавшиеся в узоры, похожие на руны. У окна висела старая гобелена с изображением какого-то некроманта, поднимающего скелет единорога. Окно выходило на внутренний двор, где уже сустились студенты. На подоконнике устроился скелет небольшой птицы — кажется, воробья, — и что-то клевал в щели между камнями. Он был явно поднятый, но без хозяина. Может, чей-то сбежавший проект.

— Это Филипп, — сказала Лиара, перехватив мой взгляд. — Он живёт здесь уже сто лет. Его поднял какой-то студент в незапамятные времена, а потом забыл упокоить. Он безвредный. Иногда приносит мне крошки.

— Зачем?

— Думаю, он думает, что я его мама. — Она пожала плечами. — Я не против.

Баргест покосился на воробья.

— Я мог бы его сожрать, — заметил он. — Но он костлявый. И наглый. Мне нравится.

Я встала, плеснула в лицо водой из кувшина — вода была холодной, колодезной, пахла железом, — и натянула форму. Чёрная мантия с серебряной каймой некромантского факультета сидела хорошо, хотя манжеты были чуть длинноваты. Мама говорила, что я «вырасту». Я не росла с четырнадцати.

— Ладно, — сказала я, закалывая волосы. — Пойдём учиться. Или позориться. Посмотрим, что получится быстрее.

Академия Мортемхолл при свете дня — ну, при том, что здесь заменяло день, — выглядела ещё внушительнее.

Главное здание было построено в форме креста, и каждый луч этого креста принадлежал своему факультету. Северное крыло — некроманты. Восточное — целители. Южное — общая теория магии. Западное — боевые искусства и трансформации. В центре, на пересечении, возвышалась башня ректора — древняя, чёрная, увенчанная куполом, похожим на череп. Студенты называли её «Кумпол», и, по слухам, внутри водились такие секреты, что некоторые выпускники садели раньше времени, просто проходя мимо.

Двор был огромным, вымощенным серыми плитами, между которыми пробивался мох. Вдоль стен тянулись галереи с арками, украшенными горгульями. Горгульи были живые — они лениво шевелились, почёсывались и переговаривались друг с другом на языке, похожем на скрежет камня. Одна из них, с отбитым ухом, подмигнула мне и сказала:

— Первокурсница? Не споткнись на лестнице. Третий пролёт скользкий. Мы там одну в прошлом году неделю отскребали.

— Спасибо за заботу, — сказала я.

— Это не забота. Просто устали смотреть на самоубийц.

Через двор, цокая когтями, прошеествовал Баргест. Теперь, при свете дня, он выглядел ещё более внушительно. Его шерсть была не просто чёрной — она была цвета беззвёздной ночи, и в ней, казалось, плавали тени. Глаза горели ровным красным, как угли. Из пасти сочился дым, стелившийся по земле. Лапы с когтями оставляли царапины на камне — настоящие, глубокие, которые не исчезали. Баргест был не просто призраком. Он был **поднятым** фамильяром — сформированным, осязаемым. Некромантия высшего порядка, пусть и неосознанная. Я поняла это только теперь, глядя, как он проходит сквозь стайку первокурсников, которые в ужасе шарахаются в стороны. Один из них выронил учебник.

— Простите, — бросил Баргест, не оборачиваясь. — Я тут прохожу. Не пугайтесь. Я не кусаюсь без причины.

— А с причиной? — пискнул кто-то.

— А с причиной я завтракаю.

Я догнала его у входа в главный корпус. Студенты вокруг перешёптывались: «Это её фамильяр?», «Он что, настоящий?», «Я думала, Баргесты — это миф». Я старалась не обращать внимания. Получалось не очень.

— Ты мог бы быть чуть менее... впечатляющим, — сказала я.

— Мог бы. Но это скучно.

Внутри главный корпус оказался ещё более запутанным, чем снаружи. Коридоры разбегались во все стороны, лестницы вели вверх, вниз и, кажется, куда-то вбок, где не должно было быть измерений. Стены были увешаны портретами бывших ректоров, которые переглядывались и обменивались сплетнями. Одна из картин — дама в тёмно-фиолетовом — проводила меня глазами и тихо сказала соседу: «Помяни моё слово, эта девочка либо прославит академию, либо взорвёт её. Или и то, и другое».

— Я всё слышу! — крикнула я, не оборачиваясь.

— А я и не шепталась, — ответила дама.

Первая лекция проходила в Северной аудитории — огромном зале с амфитеатром и каменной кафедрой, напоминавшей алтарь. Название было: «Основы некромантии: классификация поднятых и призванных существ». В аудитории уже собрались студенты — около тридцати человек, все в чёрных мантиях. Я села в третьем ряду, стараясь не привлекать внимания. Баргест улёгся у моих ног, как гигантский, дымный половик, и прикрыл глаза.

Через минуту в аудиторию вошёл преподаватель.

Он был высок и сух, как скелет, который он, вероятно, мог поднять без подготовки. Чёрная мантия висела на нём, как на вешалке. Лицо — длинное, с заострёнными чертами, борода клинышком, очки в тонкой оправе. Он двигался резко, отрывисто, будто его дёргали

за ниточки. Когда он взошёл на кафедру, в аудитории воцарилась тишина — не уважительная, а настороженная, как перед грозой.

— Меня зовут профессор Грейвз, — произнёс он голосом, который звучал как скрип несмазанной двери. — И нет, я не шучу. Это моя настоящая фамилия. Мои предки были некромантами с двенадцатого века. Они специально выбирали фамилию, чтобы пугать. Получилось. Я пугаю даже себя. Приступим.

Он развернул свиток, который явно был старше всей академии, и начал лекцию.

— Некромантия — это не «поднимать мертвецов». Некромантия — это управление посмертной энергией. Смерть — это не конец. Это дверь. И наша задача — научиться открывать её правильно, а не пинать с разбегу, как это делает большинство из вас. Потому что, если пнуть слишком сильно, дверь может открыться с той стороны. И тогда к вам выйдет такое, что вы сами попроситесь в могилу.

Он обвёл аудиторию взглядом, задержавшись на мне.

— Итак. Поднятые существа делятся на три категории. Первая — бездумные. Скелеты, зомби, големы из костей. Они выполняют команды и не задают вопросов. Вторая — фамильяры. Существа с искрой разума, привязанные к хозяину. Они могут говорить, спорить, обижаться и портить вам жизнь. Третья — призванные духи. Самый сложный класс. Духи помнят всё. Они могут лгать. Они могут мстить. Они могут попросить вас передать привет вашей прабабушке, с которой вы не знакомы. Не ведитесь.

В этот момент Баргест открыл один глаз.

— Это он про меня? — тихо спросил он. — По-моему, он меня только что оскорбил.

— Он про фамильяров вообще.

— А я не вообще. Я конкретно. И я не порчу жизнь. Я её... приправляю.

— Тихо.

Профессор Грейвз между тем продолжал, расхаживая по кафедре.

— Теперь о классификации животных. Многие думают, что некромантия работает только на людях. Глупость. Животные — отличные объекты для поднятия. Особенно те, кто при жизни обладал характером. Чем сильнее характер, тем стабильнее поднятый. Именно поэтому лучшие фамильяры получаются из старых боевых псов, воронов и... — он замаялся, — и такс.

— Такс?! — подала голос какая-то девушка с первой парты.

— Да, такс. У них невероятное самомнение. Вы не представляете.

Баргест фыркнул.

— Я бы поспорил.

— Вы что-то сказали? — Грейвз резко обернулся.

— Ничего, — сказала я. — Это мой фамильяр.

Грейвз посмотрел на Баргеста. Баргест посмотрел на Грейвза. Между ними повисло молчание — такое, какое бывает, когда два хищника оценивают друг друга.

— Баргест, — произнёс профессор. — Живой. В смысле — поднятый. Осязаемый. С речью. Полное формирование. Я видел такое только однажды. Тогда это плохо кончилось.

— Для кого? — уточнил Баргест.

— Для всех, кто стоял рядом.

— Отлично. Мне нравится этот предмет.

Грейвз поправил очки.

— Ван Дарк, ваш фамильяр будет либо вашим дипломным проектом, либо вашим отчислением. Третьего не дано.

— Я в курсе, — сказала я.

— Тогда продолжим.

Лекция длилась два часа. Грейвз рассказывал о видах некроэнергии, о стабилизации поднятых, о том, почему нельзя поднимать кур (они начинают нести тухлые яйца, и это прокля-

тие) и почему кошки, даже поднятые, игнорируют хозяев. Последнее, по его словам, не было магическим эффектом. «Кошки просто такие. Даже мёртвые».

Я записывала. Баргест дремал. Где-то сзади кто-то хихикал — по-моему, над моей фамилией.

После лекции я вышла в коридор и столкнулась с Валеном.

При свете дня он выглядел ещё более вампирически: бледная кожа с голубоватым отливом, тёмные волосы, уложенные волосок к волоску, и та самая серебряная фляга в руке. Одет он был в безупречный чёрный сюртук, бархатный, с серебряными запонками. Манжеты — идеально белые. Он стоял, прислонившись к стене, и смотрел на проходящих студентов с выражением человека, который случайно попал на ярмарку и теперь не знает, куда деваться от вульгарности.

— Ван Дарк, — поприветствовал он. — Твой пёс всё ещё производит впечатление.

— Он старается, — ответила я.

— У него получается. Пол-академии уже обсуждает «адскую гончую первокурсницы».

Ты стала локальной знаменитостью. Поздравляю. Или сочувствую. Я пока не решил.

— Спасибо. Ты что здесь делаешь? У вампиров разве нет своих лекций?

— У вампиров есть «История ночной магии» через час. А пока я жду Грона. Мы договорились вместе идти на «Защиту от света». Это обязательный предмет для всех нелюдей. Нас учат не воспламеняться от солнечных лучей и не обращаться в камень от святой воды. Очень познавательно.

— А Грон?

— Застрял на «Основах стихий». Буквально застрял. Его аудитория заблокирована, потому что он случайно поглотил чьё-то заклинание, и теперь дверь поёт арию из какой-то оперы. Преподаватель пытается её успокоить.

— Дверь или преподавателя?

— Обоих.

Из коридора появился Грон. Он выглядел ещё более усталым, чем вчера. Его серая кожа отливала зеленоватым, а вокруг головы мерцал слабый фиолетовый ореол.

— Я поглотил заклинание, — сообщил он без предисловий. — Опять. Там была практическая работа с огненными шарами, и один шар полетел не туда. В меня. Теперь я свечусь.

— Это пройдёт? — спросила я.

— Да. Через пару часов. Или дней. В прошлый раз я светился неделю. — Он вздохнул. — Зато меня видно в темноте.

— Практично, — заметил Вален. — Ты теперь живой фонарь.

— Я теперь живой позор, — поправил Грон. — Но я привык.

Мы вместе двинулись к столовой — потому что обед в Мортемхолле был не просто приёмом пищи, а стратегической операцией. Столовая располагалась в центральной части замка, и я только теперь разглядела её как следует.

Это был зал размером с бальный. Высоченные своды терялись в полумраке. Вдоль стен тянулись длинные столы с лавками, а над ними висели люстры из костей — настоящие, поднятые, скелетные конструкции, которые медленно вращались и тихо постукивали фалангами. Витражи на окнах изображали... ну, в общем, витражи как витражи. На одном кто-то кого-то упокаивал. На другом кто-то поднимал кого-то, кого, видимо, упокоили на предыдущем витраже. Целая эпопея в стекле.

У раздачи стояла очередь. За прилавком сутились големы — неуклюжие, серые, с глазами-угольками. Они разливали суп, раскладывали кашу и иногда роняли тарелки, которые тут же поднимали другие големы. Один из них, видимо, перепутал команды и накладывал кашу в чай. Никто не жаловался — это был Мортемхолл, тут каждый выживал как мог.

Я взяла поднос и села за стол, где уже устроились Лиара, Вален и Грон. Баргест лёг рядом, положив морду на лапы, но даже так его голова доставала до столешницы.

— Можно ему тут находиться? — спросила Лиара, кивая на пса.

— А кто ему запретит? — резонно спросила я.

— Логично.

В этот момент к нашему столу подошла девушка.

Она была невысокой, но что-то в её осанке заставляло выпрямиться. Кожа — тёмно-алая, с лёгким глянцем. Глаза — жёлтые, с вертикальными зрачками. Волосы — чёрные с красными прядями, собранные в высокий хвост, из которого выглядывали два небольших рога. Острых, загнутых назад. На ней была тёмно-бордовая мантия с золотой каймой — форма факультета демонологии.

Она оглядела наш стол и сказала:

— Так и знала. Самые проблемные всегда сидят вместе.

— Простите? — сказала я.

— Я — Ксафан, — представилась она, ставя поднос. — Демон. Наполовину. По матери. Можно просто Ксафа.

— Ты учишься на демолога? — уточнил Вален.

— Нет, я учусь на боевого мага. Но форма демонологическая, потому что там учат контролировать демоническую кровь. Боевых магов с моей родословной не бывает. Я буду первой.

— Или мёртвой, — заметил Грон с обычной своей мрачностью.

— Или мёртвой, — легко согласилась Ксафа. — Но скучно не будет.

Она села, и я заметила, что от неё исходит слабый жар. Баргест приоткрыл глаз.

— Полукровка, — сказал он. — Я таких не видел лет сто. Твоя мать, случайно, не из клана Асмодеевых?

Ксафа посмотрела на него с интересом.

— Ты разбираешься в демонологии, пёс?

— Я разбираюсь во всём, что горит и кричит. Профессиональный интерес.

— Моя мать из дома Баалет, — сказала Ксафа. — Асмодеевы — наши кузены. Мы с ними не общаемся. Семейная драма.

— Драма демонов, — прокомментировал Вален. — Звучит как название пьесы.

— Звучит как моя жизнь, — поправила Ксафа. — А ты, вампир, что скрываешь под своей бархатной бронёй?

— Отсутствие клыков и разбитые мечты.

Ксафа хмыкнула.

— Ну, компания у нас — как на подбор. Бракованные, проклятые и просто неудачники.

— Ты забыла цветочницу, — заметил Баргест, кивая на Лиару.

— А что с ней? — Ксафа обернулась.

— Я выращиваю плющ в волосах, — с готовностью доложила Лиара. — И маргаритки. И однажды — морковь, хотя не знаю, как она туда попала. Я не специализируюсь на овощах.

— Чудесно, — сказала Ксафа. — У нас в команде есть сельское хозяйство.

— Я не специально!

— Это-то и весело.

После обеда у нас была лекция по «Основам магической этики» — предмет, который вёл профессор Харроу, пожилой маг с пушистыми белыми бакенбардами и лицом человека, который видел всё и остался глубоко, непоколебимо скупающим. Он читал лекцию монотонно, как заведённый:

— Некромантия — это ответственность. Поднятое существо не игрушка. Его нельзя использовать для личной выгоды. Его нельзя заставлять делать то, что оно не хочет. Особенно

если оно говорит «я не хочу». Если оно говорит «я не хочу» — это уже не поднятое существо, это фамильяр. И тогда у вас проблемы.

Баргест, услышав это, довольно фыркнул и выпустил колечко дыма.

Потом была «Анатомия мёртвого тела» — предмет, который вёл профессор Морт (и да, это была его настоящая фамилия, и да, он находил это смешным). Морт был низеньким, лысым и невероятно энергичным. Он носился по аудитории, размахивая берцовой костью, и кричал:

— Кости! Кости — это основа! Если вы не знаете, как устроен скелет, вы не можете его поднять! Вы поднимете его неправильно, и он будет ходить задом наперёд! Это позор! Это антинаучно! Это происходит каждый год!

К концу лекции у меня голова шла кругом, но я запомнила главное: поднимать скелет нужно с головы, а не с ног. Иначе он будет спотыкаться.

На семинар по «Стабилизации поднятых» нас разбили на группы, и здесь я впервые столкнулась с Рейнаром не в тёмном коридоре, а при свете — ну, при том свете, который давали магические светильники в аудитории.

Он стоял у доски и что-то чертил мелом — схемы заклинаний. Та же чёрная мантия, те же волосы, падающие на лицо, тот же шрам на руке. Но теперь я могла разглядеть его лицо подробнее. Он был красив — это раздражало. Не той слащавой, кукольной красотой, которая бывает у эльфийских бардов, а тяжёлой, резкой, высеченной из тёмного камня. Скулы острые, челюсть жёсткая, брови всегда чуть нахмурены. А глаза — серые, почти бесцветные, — смотрели так, будто он постоянно что-то вычислял.

— Сегодня разбираем стабилизацию костной структуры, — сказал он, не оборачиваясь. — У кого есть опыт поднятия скелетов? Не просто «поднял и забыл», а стабильного удержания?

Несколько человек подняли руки. Я — нет.

Рейнар повернулся и посмотрел прямо на меня.

— Ван Дарк. У вас есть фамильяр. Это высшая форма стабилизации, даже если вы этого не понимаете. Расскажите группе, как вы его удерживаете.

Я замерла. Вся группа уставилась на меня. Баргест, лежавший в тени за моим стулом, приоткрыл глаз.

— Я... — я запнулась. — Я не знаю. Это произошло само.

— Само, — повторил Рейнар. — Интересно. Баргесты не поднимаются «сами». Нужна искра. Вы знаете, что такое искра, Ван Дарк?

— Это некромантский потенциал, — сказала я, вспоминая лекцию Грейвза.

— Это больше, чем потенциал. — Рейнар отошёл от доски и остановился в двух шагах от меня. — Искра — это ваша способность отдавать часть своей силы поднятому существу. Чем больше вы отдаёте, тем стабильнее форма. Ваш Баргест осязаем, говорит, имеет собственное сознание. Вы отдали ему много. Слишком много для первокурсницы. Это либо глупость, либо...

— Либо что?

— Либо у вас другая природа дара. — Он помолчал. — Мы это выясним.

Он вернулся к доске, а я осталась сидеть с ощущением, что меня только что препарировали. Баргест тихо фыркнул:

— Он мне нравится, — сказал пёс. — Он тебя разобрал, как скелет на уроке анатомии. И ты даже не заметила.

— Заткнись, — прошипела я.

— Не затыкай меня. Я твой дипломный проект.

После семинара я вышла во двор и впервые за день выдохнула. Солнце — вернее, то серое пятно, которое заменяло здесь солнце, — клонилось к горизонту. Горгульи на карнизах переругивались. Где-то вдалеке ухала невидимая птица.

Ко мне подошли Лиара, Вален и Грон. Ксафа возникла из тени колонны — буквально из тени, потому что демоны так умеют.

— Ну, — сказала она, — первый учебный день позади. И ты ещё жива. Для некроманта с твоей родословной это уже достижение.

— Это только начало, — ответила я.

Вечером мы сидели у озера — небольшого, чёрного, с водой, которая никогда не замерзала. Студенты называли его «Лужей Скорби». На берегу горел костёр, и вокруг него собирались те, кто не хотел сидеть в душных гостиных.

Я смотрела на чёрную воду и думала о словах Рейнара. «Другая природа дара». Что это значит? Почему он так смотрит на меня? И почему я не могу перестать об этом думать?

Баргест лежал рядом, положив морду на лапы. От его шерсти поднимался дым, смешиваясь с туманом от озера. Он был тёплым и осязаемым. Настоящим. Я могла запустить пальцы в его шерсть, и она была плотной, жёсткой, пахнущей серой и ночью. Он был не призраком. Он был **созданием**.

— О чём думаешь? — спросил он.

— О том, что я ничего не понимаю.

— Это нормальное состояние для студента. Я прожил сто лет и до сих пор не всё понимаю. Например, зачем ты взяла вторую порцию каши. Она была цвета тревоги.

— Я была голодная.

— Это не оправдание.

Я улыбнулась. Где-то в темноте, на другом берегу, кто-то запел — низким, гортанным голосом, на неизвестном мне языке. Может, орк. Может, тролль. Может, кто-то, кого я ещё не знала.

— Баргест, — сказала я, — что такое Анима?

Пёс повернул голову. Его глаза сверкнули.

— Где ты слышала это слово?

— Нигде. Просто... вопрос.

Он долго молчал. Потом ответил:

— Анима — это магия жизни. Древняя. Запретная. Некроманты о ней не говорят. Боятся. Потому что Анима не поднимает мёртвых. Она возвращает жизнь. А это — нарушение всех законов.

— Но почему...

— Спи, девочка с искрой. Завтра будет тяжёлый день. А послезавтра — ещё тяжелее. В Мортемхолле лёгких дней не бывает.

Я не стала спорить. Но слово «Анима» звучало во мне до самого утра.

А в одной из старых башен Рейнар Морвейн сидел над раскрытым дневником и смотрел в темноту.

— Она начала спрашивать, — произнёс он вслух. — Это быстрее, чем я думал.

На странице дневника горела одна строка:

*«Анима пробуждается. Начало положено».*

### Глава 3. Уроки выживания, или Как не стать экспонатом

Утро второго дня началось с того, что Филипп — скелет воробья на подоконнике — попытался спеть. Это было ужасно. Он издавал звук, напоминающий скрип ржавой петли, и искренне считал, что это соловьиная трель. Я запустила в него подушкой. Подушка прошла сквозь, потому что он был призрачным, но жест он оценил и обиженно замолк.

Лиара уже не спала. Она сидела перед зеркалом и пыталась заплести косу, но из волос то и дело выбивались новые ростки. Сегодня это были лютики. Мелкие, жёлтые, жизнерадостные. Они совершенно не сочетались с её белой целительской мантией.

— Знаешь, — сказала она задумчиво, — в прошлом году я пыталась их вытравить зельем. Оно называлось «Мёртвый сад». Мне прописала его наша преподавательница, мадам Виола. Сказала: «Лиара, милочка, вы же не хотите к выпуску превратиться в клумбу?» Я выпила. На вкус — как жидкий стыд. И знаешь что?

— Что?

— У меня на голове выросли поганки. Грибы, Ирма. Грибы! Я неделю пахла сырым подвалом. С тех пор я решила: лучше цветы. Они хотя бы приятно пахнут.

— Мудрое решение.

— Я тоже так думаю. — Она вздохнула и приколотла лютик заколкой, будто так и было задумано.

Баргест, растянувшийся на полу, как чёрный мохнатый ковёр, приоткрыл один глаз.

— Твоя соседка — ходячий гербарий, — заметил он. — Это мило. Если ты когда-нибудь проголодаешься, можно просто пожевать её косу.

— Баргест!

— Что? Я практичен.

Я натянула мантию, поправила воротник — он вечно топорщился, — и мы вышли в коридор. Сегодня расписание обещало быть насыщенным: «История некромантии», «Боевая магия для начинающих» и, что самое страшное, «Физическая подготовка некромантов». Последнее звучало как издёвка. Зачем некроманту физическая подготовка? Чтобы убежать от того, кого он случайно поднял? Ответ, как выяснилось позже, был именно таким.

В коридоре мы столкнулись с Гроном. Он стоял у окна и держал в руках кружку с чем-то, что шипело.

— Зелье от изжоги? — спросила я.

— Антимагический стабилизатор, — поправил он. — Мне выдали в медпункте. Сказали: «Грон, вы ходячая катастрофа, но мы попробуем это уменьшить». Теперь я должен пить это перед каждым занятием, где есть магия. То есть перед каждым занятием вообще.

— Помогает?

— В прошлый раз после глотка я стал невидимым на полчаса. Это было неудобно, потому что меня не видел преподаватель и поставил «отсутствует». А я сидел прямо перед ним.

— Трагично, — сказал Баргест. — Но зато ты мог бы шпионить.

— Я не хочу шпионить. Я хочу просто существовать без побочных эффектов.

— Скучно.

Вален появился из бокового коридора с неизменной серебряной флягой и выражением лица, которое я про себя называла «аристократическая скорбь №3». Он оглядел нашу компанию и кивнул.

— Вы все выглядите так, будто ночевали в склепе. Кроме тролля — он выглядит так, будто его выкопали из склепа.

— Спасибо, Вален, — буркнул Грон. — Ты, как всегда, поднимаешь мне настроение.

— Я вампир. Поднимать — это не мой профиль. — Он отхлебнул из фляги. — Сегодня у нас «История некромантии» с профессором Уинтер. Говорят, она помнит всех, кто у неё учился. Включая тех, кто уже умер. И она им мстит.

— Мстит? Как?

— Ставит неуд по предмету. Посмертно. У неё в ведомостях есть графа «оценка после упокоения». Я не шучу.

Мы переглянулись. Баргест заинтересованно поднял голову.

— Мне нравится эта женщина.

Аудитория, где проходила история некромантии, находилась в старом крыле — том самом, где, по слухам, обитали призраки неудавшихся экспериментов. Потолок здесь был сводчатым, с фресками, изображавшими великих некромантов прошлого. Некоторые из них двигались. Один — длиннородый старик в чёрном балахоне — помахал мне рукой. Я не стала махать в ответ.

Профессор Уинтер оказалась именно такой, какой её описывал Вален. Высокая, прямая, как древко косы. Седые волосы убраны в строгий пучок. Глаза — серые, колючие, с прищуром, который, казалось, видел вас насквозь и уже составлял некролог. Чёрная мантия сидела на ней как доспех. На столе перед ней лежал учебник толщиной с надгробную плиту.

— Садитесь, — сказала она голосом, который не предполагал возражений. — Сегодня мы говорим о Первом Расколе некромантов. Это случилось в 812 году, когда группа магов решила, что поднимать людей — это «слишком просто», и попыталась поднять дракона. Дракон был против. С тех пор драконы не любят некромантов, а некроманты не любят идиотов. Но идиоты, к сожалению, бессмертны. Вопросы есть?

— А что стало с теми магами? — спросил кто-то с заднего ряда.

— Дракон их съел. И, как говорят, подавился. Но не из-за магии — из-за их самомнения. Оно было несварением.

Баргест, лежавший в проходе, одобрительно стукнул хвостом по полу. Хвост оставил в камне трещину. Профессор Уинтер перевела взгляд на него.

— Ван Дарк, ваш фамильяр портит казённый пол. Это минус балл.

— Но он же...

— Минус балл, — повторила она. — И скажите ему, что если он ещё раз стукнет хвостом, я запишу его в ведомость как неуспевающего.

Баргест замер. Впервые на моей памяти он не нашёлся с ответом. Позже, когда лекция закончилась, он тихо сказал:

— Эта женщина опаснее меня. Я впечатлён.

Следующим предметом была «Боевая магия для начинающих» — и вот тут началось настоящее веселье.

Занятие проходило в западном крыле, в огромном зале с каменным полом, который был весь в выбоинах и подпалинах. Вдоль стен стояли манекены — некоторые целые, некоторые в виде скелетов, некоторые... в виде того, что бывает, когда боевое заклинание попадает не туда. Преподавателем был мастер Драган — здоровенный мужчина с лицом, которое, казалось, пережило несколько войн и одну неудачную дуэль. Левый глаз у него был магический — светящийся синим, — и он им моргал реже, чем правым, что создавало жутковатый эффект.

— Первокурсники! — рявкнул он, и эхо прокатилось по залу. — Сегодня мы учимся не убивать себя! Это сложнее, чем кажется. Боевое заклинание — это не просто палочкой махнуть. Это контроль, дисциплина и немного злости. Злость — это топливо. Но если топлива слишком много, вы поджарите не врага, а свои брови. Я видел это сотни раз. Каждый год одно и то же. — Он обвёл нас взглядом. — Кто хочет быть первой жертвой?

Никто не вызвался. Тогда он ткнул пальцем в меня.

— Ван Дарк. У тебя фамильяр — адская гончая. Значит, злости у тебя хватает. Выходи. Я вышла. Баргест лениво поднялся и потрусил следом.

— Он будет участвовать? — спросил Драган.

— Он всегда участвует, — ответила я. — Даже когда его не просят.

— Я — моральная поддержка, — уточнил Баргест. — И физическая угроза. По обстоятельствам.

Драган хмыкнул и выдал мне учебный жезл — короткий, из тёмного дерева, с руной на конце.

— Задача простая. Видишь манекен? Скажи заклинание «Игнис» и направь жезл. Только не думай о манекене как о манекене. Думай о нём как о том, кто тебя бесит. Это помогает.

Я встала в стойку, направила жезл и попыталась представить Калеба. Его ленивую улыбку. Его «Звероньку». Его надменный взгляд. Злость действительно поднялась — горячая, пульсирующая. Я произнесла «Игнис», и с конца жезла сорвался огненный шар.

Он пролетел мимо манекена. Вообще мимо всего. Он врезался в стену, отскочил, срикошетил от потолка и попал прямо в чучело, изображавшее вражеского мага. Чучело загорелось. Потом взорвалось. Потом осыпалось пеплом.

В зале наступила тишина.

— Неплохо, — сказал Драган. — Ты промазала, но уничтожила другую цель. В бою это называется «тактическая гибкость». Садись, Ван Дарк. Пять баллов. И отдельно пять баллов за то, что твой пёс даже не дёрнулся. Хороший фамильяр. Спокойный.

— Я не спокойный, — возразил Баргест. — Просто я видел и худшее.

— Что, например?

— Например, как один твой предшественник пытался научить голема танцевать. Голем упал и раздавил кафедру. Вот это был позор. А тут — всего лишь пожар. Мелочь.

Драган рассмеялся — низким, рокошущим смехом, от которого задрожали стёкла.

После боевой магии у нас была «Физическая подготовка некромантов». Вела её профессор Торн — женщина, которая выглядела так, будто могла сломать вас пополам и упокоить без магии. Она была мускулистой, коротко стриженной и носила вместо мантии тренировочный костюм. Занятие проходило во дворе, и погода, как назло, испортилась — начал моросить холодный дождь.

— Некромант должен быть выносливым! — кричала Торн, пока мы бегали круги вокруг плаца. — Вы думаете, поднимать мертвецов — это сидеть в башне и шептать заклинания? Нет! Это таскать трупы, рыть могилы и убегать от того, что вы случайно подняли и не можете контролировать! Поэтому — бегом!

Грон бежал рядом со мной. Он дышал ровно, но лицо его выражало вселенскую скорбь.

— Я тролль, — сказал он. — Тролли физически сильны. Но мы не бегаем. Мы ходим. Медленно. С достоинством. Это унижительно.

— Зато ты не светишься, — заметила я.

— Сегодня нет. Стабилизатор работает. Зато теперь у меня чешутся уши.

— Это побочный эффект?

— Нет, это аллергия на дождь.

Сзади пыхтела Лиара. Из её волос дождь вымывал лепестки, и за ней оставался след из цветочного конфетти. Вален, вампир с аристократической одышкой, бежал, придерживая одной рукой флягу, а другой — капюшон, чтобы не намочили волосы.

— Я не создан для этого, — задыхался он. — Я создан для ночных прогулок и декадентских стихов. Моя бабушка упадёт в обморок, если увидит меня бегущим.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.